

И каждый вечер, в час назначенный

АЛЕКСАНДР БЛОК

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

...

СТИХОТВОРЕНИЯ

1878–1921

Лучшая поэзия. Серебряный век

Коллектив авторов

**И каждый вечер, в
час назначенный.**

Стихотворения 1878–1921

«АСТ»

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)1-5

Коллектив авторов

И каждый вечер, в час назначенный. Стихотворения 1878–1921 /
Коллектив авторов — «АСТ», — (Лучшая поэзия. Серебряный
век)

ISBN 978-5-17-112427-4

Символизм – первое модернистское течение, воспринятое русской культурой. Как писал один из его теоретиков Константин Бальмонт, «...поэт, создавая свое символическое произведение, от абстрактного идет к конкретному, от идеи к образу...» Благодаря символизму появилась литература нового качества, значительно расширилась сфера художественных форм. Ярчайшие представители этого направления – Александр Блок, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский и др. В формате PDF А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-17-112427-4

© Коллектив авторов
© АСТ

Содержание

Символизм. Старшие символисты	7
Дмитрий Мережковский	9
Часы	12
Голубое небо	13
Белая ночь	14
«Кроткий вечер тихо угасает...»	15
Родное	16
«Дома и призраки людей...»	17
Больной	18
Краткая песня	19
На даче	20
«О, мука вечной жажды!..»	21
«Ты ушла, но поздно...»	22
Возвращение	23
Зинаида Гиппиус	24
Надпись на книге	26
Бессилье	27
Посвящение	28
Божья тварь	29
Мережи	30
Часы стоят	31
Все кругом	32
Гроза	33
Все она	34
Молодому веку	35
Веселье	36
Сейчас	37
Как он	38
«Дитя, потерянное всеми...»	39
Осенью	40
Федор Сологуб	41
«Безочарованность и скуку...»	43
«На серой куче сора...»	44
«Порос травой мой узкий двор...»	45
«Я рано вышел на дорогу...»	46
«В поле не видно ни зги...»	47
«Жаркое солнце по небу плывет...»	48
«Вывески цветные...»	49
«На гулких улицах столицы...»	50
«Живы дети, только дети...»	51
«Иди в толпу с приветливою речью...»	52
Недотыкомка серая	53
«Порой повеет запах странный...»	54
«Все эти ваши слова...»	55
«Поняв механику миров...»	56
«Опять ночная тишина...»	58

«Ты живешь безумно и погано...»	59
«Стихия Александра Блока...»	60
Валерий Брюсов	61
«О, закрой свои бледные ноги...»	64
Творчество	65
Юному поэту	66
«Как царство белого снега...»	67
«В тиши задремавшего парка...»	68
В прошлом	69
Женщине	70
«Да, можно любить, ненавидя...»	71
«Три женщины – белая, черная, алая...»	73
Вечерний прилив	74
Поэту	76
Каменщик	77
«Я устал от светов электрических...»	78
«Я – междумирок. Равен первым...»	79
Будущее	81
Константин Бальмонт	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

И каждый вечер, в час назначенный. Стихотворения 1878–1921

© В. Горпинко, сост. и вступ. ст., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Символизм. Старшие символисты

Термин «символизм» принадлежит французскому поэту Жану Мореасу, которому пришлось стать не только практиком, но и теоретиком этого направления, отстаивая его самостоятельность и отделяя его от модернизма. В 1886 году он опубликовал исторический «Манифест символистов» – обозначив важную веху, с которой началась новая эпоха в европейской и, в частности, русской литературе.

«Символистская поэзия ищет способ облачить идею в чувственную форму, которая не была бы самодостаточной, – писал Мореас, – но при этом, служа выражению Идеи, сохраняла бы свою индивидуальность». Эта «чувственная форма», в которую облекается Идея, и есть не что иное как символ.

Становление символизма во Франции связывают с именами Шарля Бодлера, Стефана Малларме, Артюра Рембо, Поля Верлена. Именно они «открыли новый мир» Валерию Брюсову – первому адепту нового течения в России и его первому страстному популяризатору. В 1893 году двадцатилетний Брюсов написал письмо Верлену, именую себя основоположником этого нового для России поэтического течения. И тут же занялся изданием символистских сборников, в которых в основном печатался сам, – уже примеряя на себя роль будущего вождя символизма.

Идеологом старших символистов (авторов, дебютировавших в 1890-е годы) выступил Дмитрий Мережковский. Он первым дал глубокий анализ удручающего состояния русской литературы, заведенной в тупик господствующим рационализмом, и назвал предпосылки победы новых литературных направлений. В 1892 году Мережковский прочитал доклад «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (опубликован в 1893 году). Окидывая скептическим взглядом современные «литературные руины», он видел спасение русской словесности в «мистическом содержании, языке символа и импрессионизме». Возродить литературу, писал он, «может лишь порыв к неведомому, запредельному, к святыням, которых нет».

Первому поколению русских символистов, действительно, эстетически был очень близок импрессионизм. Поначалу их так и называли – импрессионисты. Или декаденты. В своих произведениях они, как правило, были ориентированы на субъективные личные ощущения и мимолетные впечатления, замкнуты на своей внутренней жизни и далеки от обыденной реальности, одолеваемы мрачными предчувствиями и очарованы поэтикой смерти. Творчество для них – прежде всего интуитивное погружение в некие тайные смыслы, не поддающиеся рациональному выражению, и единственный способ передать эту тайну – задействовать символы.

«Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого, – писал в 1913 году Николай Гумилев. – Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа».

Вырабатывая новое художественное мировоззрение, символисты особое внимание уделяли музыке. В их творчестве она представляла как некая универсальная энергия, которая пронизывает фактуру произведения, его композицию и звуковую оболочку, наполняя его созвучиями и мелодическими переключками.

Оставаясь, по сути, элитарным поэтическим направлением, русский символизм искал опору в творчестве поэтов XIX века, не чуждых идей «чистого искусства», – Афанасия Фета, Якова Полонского, Аполлона Майкова, Евгения Баратынского и Федора Тютчева, которого Вячеслав Иванов прямо называл основоположником символистского метода в русской поэзии.

Один из теоретиков символизма, Константин Бальмонт, разрабатывавший в своем творчестве медиумические, «стихийные» аспекты и искавший соответствующие новаторские средства выражения, в статье «Элементарные слова о символической поэзии» (1900) так форму-

лирует ее главные отличительные черты: «Она говорит своим особым языком, и этот язык богат интонациями; подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, – более чем другой род поэзии, трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества: поэт, создавая свое символическое произведение, от абстрактного идет к конкретному, от идеи к образу, – тот, кто знакомится с его произведениями, восходит от картины к душе ее, от непосредственных образов, прекрасных в своем самостоятельном существовании, к скрытой в них духовной идеальности, придающей им двойную силу».

К числу старших символистов относят Валерия Брюсова, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Константина Бальмонта, Федора Сологуба, Николая Минского, Александра Добролюбова, Поликсену Соловьеву, Константина Фофанова, Ивана Коневского.

Дмитрий Мережковский

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, драматург, переводчик, эссеист, литературный критик, религиозный философ, историк, общественный деятель.

Один из основателей русского символизма, свой второй поэтический сборник, программный для нового направления, он назвал «Символы. Песни и поэмы». А принципы зарождающегося символизма изложил в докладе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892), отделив их от эстетики декаданса и выделив «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

Мережковский – основоположник русского историософского романа, разработчик религиозно-философского подхода к анализу литературных произведений, глубоко повлиявший на развитие будущего литературоведения. Признанный жанровый новатор и один из самых оригинальных мыслителей XX века. Его дебютный роман «Смерть богов. Юлиан отступник» (из трилогии «Христос и Антихрист») вошел в историю как первый русский символистский исторический роман. Начиная с 1914 года, он десять раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

Дмитрий Мережковский

Мережковский выступил инициатором проведения Религиозно-философских собраний, вызванных необходимостью обновления христианства и призванных оживить религиозную мысль в России. Философ Николай Бердяев называл их «оазисом свободы совести в уголке Петербурга» и считал, что «все движение русской религиозной мысли так или иначе вышло из этих собраний».

Влияние творчества и идей Мережковского испытали на себе поэты Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов, философы Николай Бердяев, Александр Мейер, Федор Сте-

пун, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. Томас Манн называл Мережковского «гениальнейшим критиком и мировым психологом после Ницше».

До революции Мережковский был одним из самых издаваемых писателей в России. Категорически не приняв власть большевиков, в декабре 1919 года он тайком покинул Петроград (в выезде было отказано) и с 1920 года жил во Франции. Скончался от кровоизлияния в мозг 7 декабря 1941 года. До последнего дня рядом с ним находилась его жена, поэтесса и писательница Зинаида Гиппиус, с которой они прожили, почти не разлучаясь, сорок два года, создав самый известный творческий тандем в русской культуре начала века.

Часы

Не наслаждение, не мука,
Не вдохновение страстей,
Удел живых – тупая скука,
Пустое бремя лишних дней.
Я не ропщу и не страдаю,
Я к одиночеству привык:
Часы, часы, я понимаю
Ваш утомительный язык.
На жизнь смотрю я хладнокровно,
Где нет друзей и нет врагов.
И бьется сердце ровно, ровно,
Как сердце мертвое часов.

31 августа 1895

Голубое небо

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую
Недосыгаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

1905

Белая ночь

Столица ни на миг в такую ночь не дремлет:
Едва вечерняя слетает полутьма,
Как снова бледная заря уже объемлет
На небе золотом огромные дома.
Как перья, облаков прозрачные волокна
Сквозят, и на домах безмолвных и пустых
Мерцают тусклые завешенные окна
Зловещей белизной, как очи у слепых,
Всегда открытые безжизненные очи.
Уходит от земли светлеющая твердь.
В такие белые томительные ночи –
Подобен мраку свет, подобна жизни смерть.
Когда умолкнет все, что дух мой возмущало,
Я чувствую, что есть такая тишина,
Где радость и печаль в единое начало
Сливаются навек, где жизни смерть равна.

12 мая 1893, С.-Петербург

«Кроткий вечер тихо угасает...»

Кроткий вечер тихо угасает
И пред смертью ласкою немой
На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои, –
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только след любви.

И порой в безжизненном молчаньи,
Как из гроба, веет с высоты
Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

26 августа 1887

Родное

Далеких стад унылое мычанье
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять глубокое молчанье –
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен,
И белые, сыпучие пески...
О, бледный май, задумчивый как осень!..
В полях затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь во тьме ночной.

Здесь – тише радость и спокойней горе,
Живешь как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

1896

«Дома и призраки людей...»

Дома и призраки людей –
Все в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задыhalось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

1889

Больной

День ото дня все чаще и грустнее
Я к зеркалу со страхом подхожу,
И как лицо мое становится бледнее,
Как меркнет жизнь в очах, внимательно слежу.
Взгляну ли я в окно, – на даль полей и неба
Ложится тусклое, огромное пятно;
И прежний сладкий вкус вина, плодов и хлеба
Я позабыл уже давно...
При звуках детского пленительного смеха
Мне больно; и порой в глубокой тишине
Людские голоса каким-то дальним эхом
Из ближней комнаты доносятся ко мне.
В словах друзей моих ловлю я сожаленье,
Я вижу, как со мной им трудно говорить,
Как в их неискреннем холодном утешенье
Проглядывает мысль: «Тебе недолго жить!»
А между тем я умереть не в силах:
Пока есть капля крови в жилах,
Я слишком жить хочу, я не могу не жить!
Пусть же мне грозят борьба, томленье, муки
И после приступов болезни роковой –
Дни, месяцы, года тяжелой мертвой скуки, –
Я все готов терпеть с покорностью немой,
Но только б у меня навек не отнимали
Янтарных облаков и бесконечной дали;
Но только б не совсем из мира я исчез,
И только б иногда мне посмотреть давали
На маленький клочок лазуревых небес!

1885

Краткая песня

Порой умолкнет завыванье
Косматых ведьм, декабрьских выюг,
И солнца бледное сиянье
Сквозь тучи робко вспыхнет вдруг...

Тогда мой сад гостеприимней,
Он полон чуткой тишины,
И в краткой песне птички зимней
Есть обаяние весны!..

1894

На даче

Шумит июльский дождь из тучи грозовой
И сеткой радужной на ярком солнце блещет,
И дачницы бегут испуганной толпой,
И летних зонтиков пурпурный шелк трепещет
Над нивой золотой...
А там, меж бледных ив с дрожащими листьями,
Виднеется кумач узорного платка, –
То бабы весело с разутыми ногами
Теснятся на плоту; и звучного валька
Удары по белью над ясными волнами
Разносит далеко пустынная река...

1887

«О, мука вечной жажды!..»

О, мука вечной жажды!
О, тщетная любовь!
Кто полюбил однажды,
Тот не полюбит вновь.
Смирению учат годы:
Как все, терпи, живи;
Нет любящим свободы,
Свободным нет любви.
Узла ты не развяжешь,
Не сможешь ты уйти
И никогда не скажешь:
«Я не люблю, – прости».
Но жизни злая сила
Навек меня с тобой,
Как смерть, разъединила
Последнею чертой.
Мы любим и не любим,
Живем и не живем;
Друг друга не погубим,
Друг друга не спасем.
И, как о милой тени,
Хотел бы я рыдать,
Обняв твои колени, –
И ничего не ждать.

1914

«Ты ушла, но поздно...»

Ты ушла, но поздно:
Нам не разлюбить.
Будем вечно розно,
Вечно вместе жить.

Как же мне, и зная,
Что не буду твой,
Сделать, чтоб родная
Не была родной?

1914

Возвращение

Глядим, глядим все в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес.
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.
Давно ли ты, громада косная,
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?
О, Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?
И все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас родимая?
Нам больше некуда идти,
Так, во грехе тобой зачатые,
Должны с тобою погибать
Мы, дети, матерью проклятые
И проклинаящие мать.

1909, Веймар

Зинаида Гиппиус

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) – русская поэтесса, прозаик, литературный критик, драматург, идеолог русского символизма. Одна из самых харизматичных фигур Серебряного века, создавшая со своим супругом, писателем и философом Дмитрием Мережковским, уникальный творческий и идейный союз, продлившийся 42 года.

В начале 1890-х дебютировала в печати со стихами (которые писала с 11 лет) и рассказами, сочиняла романы, отличавшиеся декадентской претенциозностью. Ее первое «Собрание стихов. 1889–1903» стало громким литературным событием. Иннокентий Анненский в рецензии на книгу отмечал, что в творчестве Гиппиус отразилась «вся пятнадцатилетняя история лирического модернизма».

Квартира Мережковских в доме Мурузи долгие годы была важнейшим центром литературной и общественной жизни Петербурга. По словам завсегдатая салона Андрея Белого, здесь «воистину творили культуру. Все здесь когда-то учились». Как хозяйка салона Гиппиус пользовалась всеобщим авторитетом, хотя ее экстравагантные выходки и эксперименты многих шокировали.

Зинаида Гиппиус

Она выступила инициатором создания литературно-религиозного журнала «Новый путь», печатавшего, в том числе, материалы Религиозно-философских собраний. Много работала как публицист, писала не только о литературе и религиозных исканиях, но и на социально-политические темы. Ее статьи отличались проницательностью и резкостью суждений, часто довольно субъективных.

Октябрьскую революцию Мережковские восприняли как «царство Антихриста» и в декабре 1919 года тайком покинули Россию. С конца 1920 года жили в Париже. Важными свидетельствами о том тревожном времени остаются дневники, которые Гиппиус вела на протяжении многих лет: «Синяя книга», «Черная книжка» и «Серый блокнот», охватывавшие период с начала Первой мировой войны и до бегства из «Совдепии». Собратьям по перу Гиппиус посвятила сборник очерков-воспоминаний «Живые лица» (1925), который, по мнению Ходасевича, может послужить важным источником для понимания литературной эпохи.

В Париже по инициативе Гиппиус было создано общество «Зеленая лампа» (1927–1939), объединявшее литературную эмиграцию. С годами, в том числе и по причине «тяжелого холода в душе», воцарившегося после отъезда из России, она пишет все меньше. После смерти Дмитрия Мережковского в 1941 году целиком погружается в работу над его биографией. Книга осталась незаконченной – Зинаида Гиппиус ушла из жизни в сентябре 1945 года.

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

Бессилье

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью – над небесами, –
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов.

1894

Посвящение

Небеса унылы и низки,
Но я знаю – дух мой высок.
Мы с тобой так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, –
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, –

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю – дух наш высок.

1894

Божья тварь

За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он – Твое создание.
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем – мое страдание.

Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, – страдает.

Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство – за страдание.

1902

Мережи

Мы долго думали, что сети
Сплетаёт Дьявол с простотой,
Чтоб нас поймать, как ловят дети
В силки беспечных птиц, весной.

Но нет. Опутывать сетями –
Ему не нужно никого.
Он тянет сети – между нами,
В весельи сердца своего.

Сквозь эту мглу, сквозь эту сетку,
Друг друга видим мы едва.
Чуть слышен голос через клетку,
Обезображены слова.

Шалун во образе змеином
Пути друг к другу нам пресек.
И в одиночестве зверином
Живёт отныне человек.

1902

Часы стоят

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет.

На скатерти холодной неубранный прибор,
Как саван белый, складки свисают на ковер.

И в лампе не мерцает блестящая дуга...
Я слушаю молчанье, как слушают врага.

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себе вросло.

Ничто не изменилось, с тех пор как умер
звук.
Но точно где-то властно сомкнули тайный
круг.

И все, чем мы за краткость, за легкость
дорожим, –
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным –
и чужим.

Застыло, каменея, как тело мертвеца...
Стремленье – но без воли. Конец – но без
конца.

И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

1902

Все кругом

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно довольное, тайно блудливое,
Плоско смешное и тошно трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное.
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!
Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.

1904

Гроза

А. А. Блоку

Моей души, в ее тревожности,
Не бойся, не жалея.
Две молнии, – две невозможности,
Соприкоснулись в ней.

Ищу опасное и властное,
Слиянье всех дорог.
А все живое и прекрасное
Приходит в краткий срок.

И если правда здешней нежности
Не жалость, а любовь, –
Всесокрушающей мятежности
Моей не прекословь.

Тебя пугают миги вечные...
Уйди, закрой глаза.
В душе скрестились светы встречные,
В моей душе – гроза.

1905

Все она

Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? Где свои?

Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений – тоже нет.

Все едины, все едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

1914

Молодому веку

Тринадцать лет! Мы так недавно
Его приветили, любя.
В тринадцать лет он своенравно
И дерзко показал себя.

Вновь наступает день рожденья...
Мальчишка злой! На этот раз
Ни празднества, ни поздравленья
Не требуй и не жди от нас.

И если раньше землю смели
Огнем сражений зажигать –
Тебе ли, Юному, тебе ли
Отцам и дедам подражать?

Они – не ты. Ты больше знаешь.
Тебе иное суждено.
Но в старые мехи вливаешь
Ты наше новое вино!

Ты плачешь, каешься? Ну что же!
Мир говорит тебе: «Я жду».
Сойди с кровавых бездорожий
Хоть на пятнадцатом году!

1914

Веселье

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой.
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

29 октября 1917

Сейчас

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно – жить!

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только выются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель – пути...

9 ноября 1917

Как он

Георгию Адамовичу

Преодолеть без утешенья,
Все пережить и все принять.
И в сердце даже на забвенье
Надежды тайной не питать, –

Но быть, как этот купол синий,
Как он, высокий и простой,
Склоняться любящей пустыней
Над нераскаянной землей.

«Дитя, потерянное всеми...»

А. Блоку

Дитя, потерянное всеми...

Все это было, кажется в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.

Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.

Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе – зеленой вина.

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел – в нее, туда...

Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей – никогда.

Апрель 1918, Санкт-Петербург

Осенью

(сгон на революцию)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй из дальних, из ближних мест...
Замкни облавкой, сгрудь, как стадо,
Кто удирает – тому арест.
Строжайший отдан приказ народу,
Такой, чтоб пикнуть никто не смел.
Все за лопаты! Все за свободу!
А кто упрется – тому расстрел.
И все: старуха, дитя, рабочий –
Чтоб пели Интер-национал.
Чтоб пели, роя, а кто не хочет
И роет молча – того в канал!
Нет революции краснее нашей:
На фронт – иль к стенке, одно из двух.
...Поддай им сзади! Клади им взащей,
Вгоняй поленом мятежный дух!

На баррикады! На баррикады!
Вперед за «Правду», за вольный труд!
Колом, веревкой, в штыки, в приклады...
Не понимают? Небось, поймут!

25 октября 1919, Санкт-Петербург

Федор Сологуб

Федор Сологуб, настоящее имя Федор Кузьмич Тетерников (1863–1927) – русский поэт и писатель, переводчик, критик, публицист, драматург.

Он дебютировал в 1890-е годы в журнале «Северный вестник», печатавшем его стихи, рассказы, рецензии и роман. На рубеже веков в его творчестве произошел перелом – от декадентства к символизму. Литературный кружок, собиравшийся в квартире Сологуба на Васильевском острове, становится центром литературной жизни Петербурга, привлекая ведущих писателей и поэтов.

Сологуб разрабатывал собственный жанр «сказочек» – коротких, с затейливым сюжетом политизированных историй для взрослых, часто в форме стихотворений в прозе. Широкую известность принес ему роман «Мелкий бес», выдержавший 10 прижизненных изданий.

Своеобразное творчество Сологуба отличалось слиянием разных планов бытия – грубо материального, низкого, нередко с эротическим оттенком, и символического, одухотворенного. Как отмечала Зинаида Гиппиус, он был «всегда немножко волшебник и колдун. Ведь и в романах у него, и в рассказах, и в стихах – одна черта отличающая: тесное сплетение реального, обыденного с волшебным».

Федор Сологуб

Наряду с исключительным богатством ритмов (Андрей Белый считал, что «подлинным ритмическим дыханием» обладают только Блок и Сологуб), для его поэзии была характерна очарованность смертью. «И только в стихах своих был он прежним, одиноким, усталым, боялся жизни, «бабищи румяной и дебелий», и любил ту, чье имя писал с большой буквы, – Смерть», – вспоминала Тэффи.

После революции Сологуб пытался эмигрировать, но из-за постоянных отказов в визе и бюрократической волокиты его жена, Анастасия Чеботаревская, покончила с собой. Сологуб с головой окунулся в работу, однако его новые произведения больше не печатались. Тем не менее он вошел в Петроградское правление Всероссийского союза писателей, в 1924 году возглавил его, хотя советскую власть категорически не принимал и даже сочинял антисоветские басни. Умер в декабре 1927 года в возрасте 64 лет.

«Безочарованность и скуку...»

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

7 июня 1891

«На серой куче сора...»

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895 года

«Порос травой мой узкий двор...»

Порос травой мой узкий двор.
В траве лежат камни, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок сложенный неровно.
Из растворенного окна,
Когда сижу один, лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер, набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной
Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.

9-13 мая 1889

«Я рано вышел на дорогу...»

Я рано вышел на дорогу
И уж к полудню утомлен,
Разочарован понемногу
И чадом жизни опьянен.

В душе мечта свернуть с дороги,
Где камни острые лежат,
Так утомившие мне ноги, –
Но я и отдыху не рад.

Короткий отдых к лени манит
И утомленный ум туманит,
А неотвязная нужда
Идет со мной везде, всегда.

Нужда – наставник слишком строгий,
И страшен взор ее, как плеть,
И я тащусь своей дорогой,
Чтобы на камнях умереть.

Когда богач самолюбивый
Промчится на коне верхом,
Я молча, в зависти стыдливой
Посторонюсь перед конем.

И сзади в рубище смиренном
Ташусь я, бледный и босой,
И на лице его надменном
Насмешку вижу над собой.

12 мая 1889

«В поле не видно ни зги...»

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»

18 мая 1897

«Жаркое солнце по небу плывет...»

Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.

В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почила, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.

Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.

9 октября 1897

«Вывески цветные...»

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, –
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896

«На гулких улицах столицы...»

На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.

Под яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.

Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль.

28-29 января 1896

«Живы дети, только дети...»

Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы,

Хоть и даст она отсрочку –
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди – придет и твой черед.
Задыхайся, цепenea,
Ледenea перед нею.
Срок пройдет – подставишь шею,
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897

«Иди в толпу с приветливою речью...»

Иди в толпу с приветливою речью
И лицемерь.
На опыте всю душу человеческую
До дна измерь.

Она узка, темна и несвободна,
Как темный склеп,
И тот, кто час провел в ней неисходно,
Навек ослеп.

И ты поймешь, какое врачеванье
В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликование
И сметь, и петь.

29 июля 1898

Недотыкомка серая

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится –
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

«Порой повеет запах странный...»

Порой повеет запах странный, –
Его причины не понять, –
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, –

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

5 октября 1898 – 10 февраля 1900

«Все эти ваши слова...»

Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.

2 июля 1909

«Поняв механику миров...»

Поняв механику миров
И механичность жизни дольной,
В чертогах пышных городов
Мы жили общиной довольной,

И не боялись мы Суда,
И только перед милым прахом
Вдруг зажигались иногда
Стыдом и острым страхом.

Возник один безумец там,
И, может быть, уже последний.
Он повторил с улыбкой нам
Минувших лет смешные бредни.

Не понимая, почему
В его устах цветут улыбки,
Мы не поверили ему.
К чему нам ветхие ошибки!

На берег моря он бежал,
Где волны бились и стонали,
И в гимны звучные слагал
Слова надежды и печали.

Так полюбил он мглу ночей
И тихо плещущие реки,
Что мест искал, где нет людей,
Где даже не было б аптеки.

И, умирая, он глядел
В небесный многозвездный купол,
Людей не звал, и не хотел,
Чтоб медик пульс его пощупал.

27 августа 1909, Шмецке

«Опять ночная тишина...»

Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.

Опять непраздничен и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Все те же звездные мерцанья.

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Все так же бледен, тих и слаб,
Все тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, – и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.

И если по ночным снегам,
Звenea бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,

То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.

27 декабря 1910, Мустамяки

«Ты живешь безумно и погано...»

Ты живешь безумно и погано,
Улица, доступная для всех,
Грохот пыльный, хохот хулигана,
Пьяной проститутки ржавый смех.

Копошятся мерзкие подруги –
Злоба, грязь, порочность, нищета.
Как возникнуть может в этом круге
Вдохновенно-светлая мечта?

Но возникнет! Вечно возникает!
Жизнь народа творчеством полна,
И над мутной пеной воздвигает
Красоту всемирную волна.

18 сентября 1913, Петербург

«Стихия Александра Блока...»

Стихия Александра Блока –
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несемся – близко иль далеко? –
Во власти цепящихся нег.
Стихия Александра Блока –
Метель, взвивающая снег.

28 декабря 1913, Петербург

Валерий Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) – русский поэт, один из основоположников символизма, прозаик, переводчик, литературный критик, драматург, историк.

Писал стихи с 8 лет, в 13 уже был уверен, что станет поэтом. Переворот в его понимании поэзии совершили французские символисты – юный Брюсов публикует ряд статей о них и издает первые символистские сборники в России «Русские символисты». Один из них включал и самое знаменитое декадентское одностишие «О закрой свои бледные ноги», объект многочисленных пародий и насмешек.

Дебютную книгу стихов Брюсов назвал «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»), уведомив, что завещает ее «вечности и искусству». Он разрабатывал теорию символизма, руководил ведущим символистским издательством «Скорпион». От историко-мифологических образов в творчестве перешел к идеям урбанизма – фактически стал первым урбанистом в русской поэзии, воспевая городской пейзаж, как свой «отчий дом».

Творчество Брюсова отличало невероятное стилистическое разнообразие, эрудированность, даже энциклопедизм, и тяга к экспериментам. Это далеко не всеми приветствовалось – упреки в холодном экспериментаторстве и бездушии звучали регулярно. С выходом в 1904 году сборника «Urbi et Orbi» («Граду и миру»), в котором нарастают гражданские мотивы наряду с темами самообожания и эротомании, Брюсов стал признанным вождем русского символизма, настоящим литературным мэтром.

Валерий Брюсов

Периоды подражания Брюсову, который развивал разнообразные формы стихосложения и неточные рифмы, разрабатывал тонический стих и фигурную поэзию, переживали многие поэты, включая младосимволистов Александра Блока, Андрея Белого, Сергея Соловьева. Его огромный авторитет распространялся и на адептов других течений – акмеизма и футуризма. Возглавляемый им журнал «Весы» был самым представительным и авторитетным модернистским изданием. Стоя во главе Московского литературно-художественного кружка, он повлиял на становление целого поколения литераторов.

После революции, пытаясь идти в ногу со временем, Брюсов радикально обновил свою поэтику, нагрузив ее неологизмами (критики называли этот период академическим авангардизмом). Однако «народные массы» к его творчеству остались равнодушны. В 1920-е годы основную энергию Брюсов направил на служебные обязанности – занимал директорские должности при книжной палате, Наркомпросе, Глапрофобре, возглавлял Всероссийский союз поэтов, стал профессором МГУ, создал Высший литературно-художественный институт – предшественник Литературного института имени Горького.

В 1923 году ему было присвоено почетное звание народного поэта Армении – за огромную работу по популяризации армянской культуры. Он выполнил множество переводов с армянского (большинство произведений переводилось впервые), подготовил несколько сборников и уникальный в своем роде труд «Летопись исторических судеб армянского народа».

Валерий Брюсов ушел из жизни в октябре 1924 года вскоре после празднования 50-летнего юбилея.

«О, закрой свои бледные ноги...»

О, закрой свои бледные ноги.

3 декабря 1894

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,

Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте — неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

«В тиши задремавшего парка...»

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

В прошлом

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, –
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1894

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

«Да, можно любить, ненавидя...»

*Odi et amo.
Catullus¹*

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье – в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объяты ее напоил?

Хочу проклинять, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно...
Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвие,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

¹ Ненавижу и люблю (лат.). – Катулл.

«Три женщины – белая, черная, алая...»

Три женщины – белая, черная, алая –
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком – идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее – грусть, безнадежность – уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины – белая, черная, алая –
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги – вперед!

1912

Вечерний прилив

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов свету острому
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев – серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, – город жив,
Киша бесчисленными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей –
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрелей нарушая линии,
Меж пар кружащихся – звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили – снопы огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыта в небосвод!»

Апрель – декабрь 1906

Поэту

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность войти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок!

18 декабря 1907

Каменщик

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

– Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

– Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

– Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

– Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

– Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

– Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!

16 июля 1901

«Я устал от светов электрических...»

Я устал от светов электрических,
От глухих гудков автомобилей;
Сердце жаждет снова слов магических,
Радостных легенд и скорбных былей.

Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;

Хочется мне замков, с их царевнами,
Озирающих просторы с башни,
Менестрелей с лютями напевными,
Оглашающими лес и пашни;

Позабиться вымыслами хочется, –
Сказками, где ведьмы, феи, черти;
Пусть, готовя снадобье, пророчица
Мне предскажет час грядущей смерти;

Пусть прискачут в черных шлемах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной крови...
Ах, опять листок, в котором цицero
Говорит про бой при Августове!

4 апреля 1915

«Я – междумирок. Равен первым...»

Я – междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати – пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья, –
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины –
Мой корень из низин растет.

Мне Гете – близкий, друг – Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я – твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911, 1918

Будущее

Будущее!
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитатъ!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья постройка едва начата!

1922

Константин Бальмонт

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) – русский поэт, теоретик символизма, переводчик, мемуарист, эссеист, критик. Выпустил 35 поэтических сборников, 20 книг прозы, автор филологических трактатов и переводов поэзии с 10 языков.

Первый «Сборник стихотворений» (1890) Бальмонт издал за свой счет, но сжег весь тираж – близкие его увлечения поэзией не разделяли. Он зарабатывал переводами, усиленно занимался самообразованием, изучал языки. Лучшие книги Бальмонта выходили в символистском издательстве «Скорпион». Во время путешествия по Европе он принял приглашение прочитать курс лекций о русской поэзии в Оксфордском университете. С лекциями Бальмонт будет выступать в Европе еще неоднократно.

Всероссийскую известность принес поэту сборник «Горящие здания» (1900), а закрепила славу книга «Будем как солнце» (1902), превратив его в ведущую фигуру в лагере символистов. «В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией, – писал позднее Валерий Брюсов. – Другие поэты или покорно следовали за ним, или, с большими усилиями, отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния».

Константин Бальмонт

Бальмонт превратился в объект страстного поклонения и подражания. Создавались кружки бальмонистов, восторженные поклонницы не давали ему прохода. Появился термин «школа Бальмонта». Поэта воспринимали как новатора, который расширяет изобразительность языка, через эпатаж, мелодические повторы и собственную систему красочных эпитетов открывает новые возможности стиха.

«Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, созвучиями, – и самую сущность его поэзии», – писал Брюсов о многочисленных подражателях поэта, творчество которого звучало резким контрастом «анемичной журнальной поэзии» конца XIX века и отражало одну из первых поэтических попыток исследовать темный мир бессознательного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.